

Нил Ефимов
Сергей Ведищев

Окарион, сквозь галактики

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Нил Ефимов

Окарион, сквозь галактики

«Автор»

2026

Ефимов Н.

Окарион, сквозь галактики / Н. Ефимов — «Автор», 2026

В мире, где правят запреты и ржавчина, юный изобретатель Лэнс тайно создает чертежи «Окариона» — поезда, способного мгновенно перемещаться в гиперпространстве, развивая скорость 100 миллионов километров в секунду лишь в моменты входа и выхода из него, стирая все физические ограничения. Для Лэнса это не просто машина, а символ свободы, созданный для своего искусственного интеллекта — Анести. Однако его гениальное изобретение представляет смертельную угрозу: если о нем узнает безжалостный Кайр Виро из Энтропии, «Окарион» станет оружием, способным стереть Генезис с карты галактики. Пока же Лэнс вынужден скрывать свои секреты, живя в мрачном приюте «Серый Град» на планете Райль 2, где каждое утро превращается в игру в прятки с бездушным старшим надзирателем Бруксом, чье единственное желание — найти и наказать любого, кто осмелится нарушить тишину. В этой опасной реальности будущее галактики зависит от одного мальчика и его мечты о свободе.

© Ефимов Н., 2026

© Автор, 2026

Нил Ефимов, Сергей Ведищев

Окарион, сквозь галактики

Окарион, сквозь галактики

Глава 1: Мечты на краю Генезиса

Галактика в огне и свете

В 5180 году человечество перестало измерять расстояния километрами — теперь их считали жизнями, прожитыми в прыжках. На самом краю сектора Генезис, где созидательная воля **Алио Вирсаля** начинала уступать место первобытному хаосу, раскинулась **Этельгардианская туманность**. Это была не просто туманность, а целая галактика, окутанная сияющим газом, внутри которой рождались и умирали миры.

Для обитателей Райль 2, крохотной планетки на задворках этой галактики, Генезис был далёким идеалом, а **сектор Энтропия** под властью тирана **Кайра Виро** — пугающей легендой.

Семилетний Лэнс Гойрад сидел на краю обветшалой крыши приюта «Серый Град». Его маленькие ноги болтались над пропастью. Здесь, в приюте, всё было пропитано запахом ржавчины и дешёвого синтетического супа. Но Лэнс смотрел не на серые стены, а на небо, где в фиолетовых сумерках Этельгардианской галактики пульсировали огни великихстроек Генезиса.

Внезапно горизонт вспыхнул. Тяжёлый гул заставил стёкла приюта задрожать. Из облаков вынырнул «Звёздный Пилигрим» — правительственный экспресс. Он шёл по Магической Сети, оставляя за собой радужный след. Лэнс сжал кулаки. Эти поезда были привязаны к рельсам Алио Вирсаля. Они были рабами системы.

— Я создам то, что не будет знать цепей, — прошептал мальчик.

Побег в Колыбель Прогресса

Когда надзиратель Брукс закончил обход, Лэнс выскользнул из своей каморки. Его путь лежал в «Мёртвую Зону», на заброшенную фабрику, где когда-то проектировали двигатели для экспрессов.

Внутри цеха пахло озоном и старыми тайнами. Лэнс зажёл лампу на кристаллах фосфора. Перед ним лежал чертёж, который мог бы свести с ума любого инженера Генезиса. В центре красовалось имя: «**ОКАРИОН**».

Технология невозможного: Сердце и Нервы

Лэнс склонился над бумагой. Обычные реакторы были слишком слабы для его мечты.

— Нам нужно ядро, — бормотал он, закрашивая центр схемы **зелёным**. — **Ядро умирающей звезды**.

Это было сердце «Окариона» — коллапсар, сжатый до размеров футбольного мяча и помещённый в стазис-поле. Внутри него кипела ярость целого солнца, готовая в любой миг превратиться в бесконечную тягу.

Над ядром Лэнс нарисовал **синий** механизм — **Импульсный Распределитель**. В форме острой стальной короны, он должен был наносить гравитационные «уколы» по ядру, выбивая из него фотонные всплески. Это был пульс машины.

По бокам он расположил **красные Магнитные Шестерни**. Эти фрактальные диски вращались в вакууме. Между ними не было физического контакта — только чистая магнитная сцепка. Они подхватывали ярость звезды и передавали её на трансмиссию, не плаваясь от чудовищного жара.

Пузырь Условной Реальности и явление Анести

Но как удержать такую мощь? Лэнс прочертил вокруг поезда широкую сферу.

— **Пузырь Условной Реальности**, — произнёс он, и его голос эхом отозвался в пустом цехе.

Этот пузырь создавал внутри себя локальную вселенную. Внутри него законы физики переставали действовать — там работали только правила, прописанные Лэнсом. Внутри этого пузыря жила **Анест** — искусственный интеллект поезда.

Анест не была просто строчкой кода. Благодаря искажению реальности внутри пузыря, она могла **материализоваться**. Лэнс видел её в своих мечтах: сотканная из мерцающего света, она могла подойти к нему, коснуться плеча и управлять системами. Она была душой «Окариона», способной обрести плоть внутри его границ.

Двойная Трансмиссия и Прыжок в Бесконечность

«Окарион» не зависел от дорог Генезиса. В носу поезда Лэнс спроектировал «Ткач Пути», который выстраивал энергетические рельсы прямо перед составом и всасывал их обратно в хвосте.

Но настоящим инженерным безумием была система передач. Лэнс нарисовал **первую АКПП на 20 скоростей**. Она была нужна для разгона в обычном пространстве. На 20-й передаче «Окарион» достигал своего номинального предела — **500 000 км/с**.

— И это только начало, — глаза мальчика лихорадочно блеснули.

Когда стрелка спидометра касалась отметки 500 тысяч, в дело вступала **вторая АКПП**. У неё было всего две передачи, но именно они превращали поезд в божественный снаряд:

1. Первая передача второй коробки — снимала все физические ограничения скорости. Поезд переставал сопротивляться пространству.

2. Вторая передача второй коробки — активировала режим гиперпрыжка, разгоняя состав до невероятных **100 000 000 км/с**.

На панели управления Лэнс выделил особую кнопку — **«Сингулярный Накопитель»**. Она заставляла ядро аккумулировать всю мощь мгновенно. При нажатии пространство вокруг «Окариона» должно было схлопнуться, позволяя поезду моментально провалиться в гиперпространство на максимальной скорости, минуя долгий разгон.

Чтобы пассажиров при таком рывке не превратило в молекулы, внутри работали мощнейшие **инерционные стабилизаторы**, синхронизированные с обеими коробками передач. Внутри «Окариона» всегда царил идеальный покой.

Тень над будущим

Лэнс отложил карандаш. Он понимал, что его чертёж — это приговор. Если Кайр Виро из Энтропии узнает о поезде, способном двигаться на скорости 100 миллионов километров в секунду и схлопывать пространство, он превратит «Окарион» в оружие, способное стереть Генезис с карты галактики.

Но Лэнс смотрел на Анести — пока ещё лишь схематичную фигуру на бумаге — и знал: этот поезд построен для свободы.

Вдалеке провыла сирена приюта. Лэнс быстро спрятал тетрадь под бетонную плиту. Он возвращался в мир ржавчины и запретов.

Глава 2: Стеклянные стены и тени сомнений

Игра в прятки с механической смертью

Предрассветный туман на Райль 2 не был похож на земные туманы. Это была плотная, серо-фиолетовая взвесь, пахнувшая озоном и жжёным пластиком — дыхание Этельгардианской галактики, проникающее в каждую щель. Лэнс пробирался вдоль внешней стены приюта «Серый Град», буквально вжимаясь в холодный, щербатый бетон. Его пальцы, испачканные в масле и графите после ночи на фабрике, онемели от сырости. Под ногами хрустел «промышленный снег» — едкая смесь осевшей копоты и ледяных кристаллов.

Самым опасным участком был заваленный мусором проход мимо прачечной. Если окно закрыто — это конец. Лэнс подтянулся на руках, чувствуя, как ржавые выступы арматуры врезаются в ладони. Он замер, прислушиваясь. Тишина. Только где-то вдалеке гудел стабилизатор атмосферного давления.

Мальчик достал из кармана самодельную отмычку из сплюсненной проволоки и аккуратно вставил её в щель старой рамы.

Тонкий, едва слышный щелчок.

Створка поддалась с натужным стоном, который в утренней тишине показался Лэнсу громом. Он запрыгнул внутрь, приземлившись на гору влажного, тяжёлого белья, пахнущего хлоркой и дешёвым химическим концентратом для стирки.

Не успел он прыгнуть на пол, как в коридоре, за тяжёлой стальной дверью, раздался звук, от которого кровь застыла в жилах.

Клац... вжик... клац...

Это был Брукс. Старший надзиратель, чья человечность давно выветрилась, уступив место механизмам и злобе. Его левый протез — неуклюжая конструкция из старых гидравлических поршней — издавал этот характерный лязг. Брукс никогда не спал. Он патрулировал приют, как сломанный охранный бот, выискивая тех, кто осмелился нарушить тишину.

Лэнс нырнул за огромный медный бак с водой. Сердце колотилось так сильно, что казалось, оно вот-вот проломит рёбра. Дверь прачечной открылась. В узкий проём ворвался жёлтый, болезненный свет мощного фонаря Брукса. Луч заскользил по стенам, выхватывая капли конденсата на трубах и грязные разводы на полу.

— Я слышу тебя, крысёныш... — проскрипел Брукс. Его голос напоминал скрежет металла по стеклу. — Вылезай. Лучше я сам тебя найду, чем ты сгниешь в карцере.

Свет фонаря остановился всего в нескольких сантиметрах от ботинка Лэнса. Мальчик зажмурился, перестав дышать. Он видел, как из-под двери просачивается запах табака и старой смазки, исходящий от надзирателя. Брукс простоял так целую минуту — бесконечную, мучительную минуту — прежде чем его протез снова лязгнул, и шаги начали удаляться в сторону кухни.

Только тогда Лэнс позволил себе беззвучный выдох. Он выскользнул из прачечной и, словно тень, пролетел по тёмным коридорам до своей комнаты, нырнув под колючее одеяло за мгновение до того, как над планетой взвыла утренняя сирена.

Вкус серой реальности

Завтрак в «Сером Граде» был не приёмом пищи, а ритуалом смирения. Столовая представляла собой огромный зал с низкими потолками и тусклыми лампами, которые вечно мерцали. В воздухе висел запах «питательной массы №4» — безвкусной жижи, призванной поддерживать жизнь, но не приносить радости.

Лэнс сидел за длинным столом, уставившись в свою тарелку. Его руки подрагивали — не от холода, а от возбуждения. Мысли о второй АКПП и кнопке «Сингулярного Накопителя» не давали ему покоя. Он не выдержал и пододвинулся ближе к своим соседям по комнате.

Джакс, рослый парень с вечно прищуренными глазами, который считал себя будущим лидером банды Энтропии, лениво ковырял ложкой кашу. Рядом с ним примостился Калёб — мелкий, суетливый мальчишка, который ловил каждое слово Джакса.

— Послушайте... — прошептал Лэнс, и его глаза лихорадочно блеснули. — Я всё доработал. «Окарион» будет неуязвим. Когда мы наберём 500 000 километров в секунду на двадцатой передаче первой коробки, включится вторая АКПП. Она — ключ. Первая ступень снимет лимиты, а вторая... вторая отправит нас в гиперпространство на скорости в сто миллионов!

Джакс медленно отложил ложку и вытер рот рукавом грязной робы. Он посмотрел на Лэнса так, будто тот только что признался в любви к Бруксу. Калёб, заметив выражение лица Джакса, тут же противно хихикнул.

— Лэнс, ты когда-нибудь заткнёшься со своими сказками? — голос Джакса был полон ядовитого спокойствия. — Ты бредишь. Сто миллионов километров? Ты хоть понимаешь масштаб тупости, которую несёшь? Самые быстрые экспрессы Генезиса едва выжимают 150 тысяч,

и то — по Магической Сети. А ты хочешь летать в пустоте без рельсов? На чём? На своих фантазиях?

— В том-то и дело! — Лэнс начал активно жестикулировать, забыв об осторожности. — Пузырь Условной Реальности создаёт свои законы! И там есть кнопка... Я назвал её «Сингулярный Накопитель». Она мгновенно схлопывает пространство вокруг поезда. Мы просто проваливаемся в гиперпространство, минуя разгон. Нам не нужны дороги Вирсаля!

Мифы и тени тиранов

Джакс вдруг резко подался вперёд, и его лицо оказалось в нескольких сантиметрах от лица Лэнса.

— Слушай меня сюда, «великий инженер». Нет никакого гиперпространства для таких, как мы. Нас ждёт только рудник или свалка. И прекрати ныть про свою Энтропию и Кайра Виро. Это уже даже не смешно.

— Но Кайр Виро... он реален! Его флот уничтожает целые звёздные системы! — голос Лэнса дрогнул.

Джакс расхохотался на всю столовую, привлекая внимание других сирот.

— Кайр Виро? Ты серьёзно? Лэнс, Кайр Виро — это выдумка воспитателей! Это такая же пугалка, как «Чёрный смотритель» или «Призрак прачечной». Его придумали, чтобы мы сидели тихо и боялись высунуть нос за периметр. «Ой, не думайте о воле, а то придёт Кайр Виро и заберёт вас в рабство!». Да мы уже в рабстве, идиот! И нет никакого тирана, есть только старый маразматик Брукс и эта серая жижа в тарелках.

— Это не выдумка! Я видел зашифрованные файлы в архивах старой фабрики... — попытался вставить Лэнс.

— Твои файлы — такой же мусор, как и твои чертежи, — отрезал Джакс, вставая из-за стола. — Ты просто строишь себе воображаемый мир, потому что в этом ты — никто. «Умная идея», говоришь? Две коробки передач? Да ты даже штаны себе зашить не можешь без посторонней помощи. Спустишься на землю, Лэнс. У тебя никогда ничего не получится. Ты сгниешь здесь, рисуя свои кнопки на туалетной бумаге.

Калёб встал следом за Джаком, напоследок заглянув в тарелку Лэнса.

— Эй, инженер, если твой поезд разгонится до ста миллионов, не забудь забрать свою кашу, — он вывернул остатки жижи из своей миски прямо в тарелку Лэнса. — Тебе понадобятся силы, чтобы драить туалеты после смены.

Они ушли, громко смеясь и обсуждая, как забавно выглядит Лэнс, когда пытается быть «умным». Мальчик остался один. Он смотрел в свою испорченную тарелку, чувствуя, как внутри, в самом центре груди, разливается не обида, а холодная, как сталь двигателя, ярость.

Он вспомнил чертежи. Вспомнил синий Импульсный Распределитель и пульсацию Ядра. Они не понимают. Они уже мертвы внутри, потому что перестали видеть звёзды за фиолетовым смогом.

— Пусть смеются... — прошептал он, сжимая в кармане кусок проволоки, которой вскрыл окно. — Когда пространство схлопнется и Этельгардианская галактика останется позади, я буду единственным, кто не обернётся.

Глава 3: Сломанные крылья и стальная воля

Утро в сером тумане

После вчерашнего унижения в столовой ночь для Лэнса прошла в лихорадочном полусне. Ему снились магнитные шестерни, которые скрежетали, превращаясь в зубы надзирателя Брукса. Когда прозвучала утренняя сирена, мальчик вскочил, тяжело дыша. Весь следующий день стал для него бесконечной пыткой тишиной и внутренним голосом, который шептал: *«А вдруг Джек прав? Вдруг ты просто больной ребёнок, который выдумал себе спасение?»*

На утренней прогулке, которая проходила во внутреннем дворе — бетонном колодце с колючей проволокой под током по верху стен — Лэнс держался в стороне. Он медленно шел вдоль стены, пиная носком облезлого ботинка серую пыль. Другие дети сбивались в кучки, играя в примитивные игры с костями из пластика, но Лэнс не видел их.

«500 000 километров в секунду...» — билось в его голове. — *«Это же выше предела света. Физика говорит — нельзя. Джек говорит — нельзя. Брукс говорит — работай. Если я ошибаюсь хотя бы в одной цифре распределения импульса, ядро просто схлопнет не пространство, а меня самого»*.

Он смотрел на свои руки — маленькие, худые, покрытые вечными ссадинами. Разве эти руки могут собрать машину, способную разорвать ткань вселенной? Лэнс чувствовал, как липкий страх одиночества и безумия сжимает горло. Самоотерзание жгло изнутри: он чувствовал

себя предателем собственной мечты. Ему казалось, что он просто обманывает себя, чтобы не сойти с ума от запаха хлорки и безнадёги.

Полдень: Тень сомнения

После обеда, состоявшего из той же безвкусной жижи, наступило свободное время. Лэнс забился в дальний угол библиотеки — пыльного хранилища старых технических справочников, которые никто не открывал десятилетиями. Он сидел на холодном полу, прислонившись спиной к стеллажу.

Его пальцы непроизвольно чертили на пыльном полу схему второй АКПП.

— Первая передача — снятие ограничений... Вторая — прыжок... — шептал он, и его голос казался ему чужим.

Он вспоминал глаза Анести. В его воображении она стояла рядом, мерцая синими искрами. Но сегодня её образ был тусклым. Она молчала. Это пугало его больше всего. Если даже его воображаемый друг отворачивается от него, значит, он действительно теряет рассудок. Лэнс обхватил колени руками и зарылся лицом в робу. Весь мир вокруг него был реальным: холодный бетон, грубый смех Джакса в коридоре, лязг протеза Брукса. А его «Окарион» был лишь призраком.

«Я должен им доказать. Не ради них — ради себя. Если я не заговорю об этом снова, я поверю, что я сумасшедший». Эта мысль стала его якорем.

Ужин: Последняя попытка

Вечерний зал столовой был наполнен гулом голосов и звоном металлических ложек. Лэнс сидел на своем месте, его порция каши осталась нетронутой. Он чувствовал, как внутри закипает отчаянная решимость. Это был последний шанс удержаться за свою реальность.

Джакс и Калев сидели напротив, громко обсуждая, как они будут работать на переработке мусора после выпуска — для них это было вершиной карьеры.

— Джакс... — тихо начал Лэнс. Его голос дрожал. — Послушай. Я знаю, почему ты не веришь. Ты просто не видел расчетов инерционных стабилизаторов. Вторая коробка передач... она не просто ускоряет. Она меняет состояние материи поезда. Кнопка схлопывания... она работает на принципе квантового коллапса. Я могу показать чертежи...

Джакс медленно перестал жевать. Его лицо багровело. Калёб перестал смеяться и испуганно посмотрел на лидера.

— Ты опять за своё, мусорщик? — прошипел Джакс. Его голос был низким и угрожающим. — Мы же вчера договорились. Ты — больной на голову. Твой Кайро Виро — сказка. Твой поезд — груда ржавчины в твоей башке. Ты позоришь нас всех своим нытьем о «свободе». Какая свобода, Лэнс? Посмотри вокруг!

— Но я не вру! — Лэнс сорвался на крик, и несколько столов замолчали. — Вы просто боитесь! Боитесь, что я прав, и что вы — просто рабы, которые умрут в этой дыре! А я улечу! На скорости сто миллионов километров в секунду я буду на другом краю галактики, пока вы будете гнить здесь!

Джакс резко встал. Его тень накрыла Лэнса.

— После ужина. За блоком «Б». Мы выведем из тебя эту звездную дурь.

Расплата в тени

Темный закуток за жилым блоком «Б» был излюбленным местом для «воспитательных работ». Там не было камер, и свет ближайшего фонаря едва пробивался сквозь густой смог.

Лэнс стоял, прижавшись спиной к мусорному контейнеру. Перед ним возвышался Джакс, а по бокам, как шакалы, пристроились Калёб и еще пара парней постарше.

— Ну что, инженер? — Джакс ударил кулаком в ладонь. — Покажешь нам режим гиперпрыжка?

Первый удар пришелся Лэнсу в живот. Воздух с присвистом вырвался из легких, мальчик согнулся, хватая ртом холодную, вонючую пыль. Второй удар — в челюсть — опрокинул его на бетон. В глазах вспыхнули тысячи сверхновых, но это были не те звезды, о которых он мечтал.

Его били методично. Калёб с каким-то остервенением пинал его по ребрам, выкрикивая:

— Где твой Кайро Виро?! Пусть он придет и спасет тебя! Где твоя кнопка?! Нажми её!

Лэнс не кричал. Он свернулся калачиком, закрывая голову руками. Каждый удар отзывался тупой, разрывающей болью. В какой-то момент он перестал чувствовать отдельные удары, всё превратилось в одну сплошную пульсирующую муку.

— Хватит с него, — наконец бросил Джакс, вытирая пот со лба. — Если Брукс увидит, что мы его убили, нам несдобровать. Пошли. Пусть полежит, помечтает о скоростях.

Они ушли, оставив Лэнса на грязном бетоне.

Путь к свету сквозь тьму

Лэнс пришел в себя спустя вечность. Лицо превратилось в одну сплошную опухоль, левый глаз не открывался, а каждый вдох отдавался острой иглой в боку. Он попытался встать, но ноги подкосились.

Цепляясь за выступы на стене, оставляя кровавые отпечатки пальцев на бетоне, он пополз к входу в жилой корпус. Грязь смешивалась с кровью и слезами. Он чувствовал себя разбитым — не только физически, но и внутри.

Он пробрался в свою комнату, когда все уже спали. С трудом взобравшись на свою жесткую койку, Лэнс замер под тонким одеялом. Тело горело, каждый мускул ныл. Но когда он закрыл глаза, в темноте его сознания вдруг вспыхнула яркая, ослепительно-зеленая точка.

Ядро. Оно всё еще пульсировало там, в его голове.

«Они не сломали меня...» — подумал он, сглатывая соленую кровь. — *«Они просто не понимают. Вторая передача... она нужна, чтобы уйти от таких, как они. 100 миллионов километров... я буду далеко. Очень далеко»*.

Глава 4: Смирение

Тишина разбитого сердца

Утренняя сирена приюта «Серый Град» ворвалась в сознание Лэнса как ржавое лезвие. Обычно этот звук заставлял его вскакивать, лихорадочно прятать чертежи и готовиться к новому дню борьбы. Но не сегодня.

Лэнс лежал на боку, уткнувшись лицом в стену, от которой веяло сыростью и плесенью. Его левый глаз полностью заплыл, превратившись в багровую щель. Каждый вдох напоминал о том, что ребра, если и не сломаны, то сильно треснули — грудную клетку стягивал невидимый обруч боли. Но физическая мука была ничем по сравнению с той пустотой, что образовалась у него в груди.

В коридоре послышался топот ног — сироты потянулись на завтрак. Лэнс слышал голос Калеба, который что-то весело выкрикивал, и тяжелый хохот Джакса. Они не вспоминали о нём. Для них он был просто очередным уроком, который они преподали «выскачке».

Лэнс не шелохнулся. Он проигнорировал первый колокол на завтрак. Проигнорировал второй колокол, призывающий на смену на фабрику. Он просто лежал, глядя на пятно сырости на стене, которое по очертаниям отдаленно напоминало туманность Этельгарда. Но теперь он видел в этом пятне не далёкие звёзды, а просто гниль.

Анатомия краха

«Они были правы», — эта мысль пришла к нему не сразу, она вползала в сознание медленно, как ядовитый туман. — *«Джакс прав. Кaleb прав. Даже Брукс, со своим вечным лязгом, прав»*.

Лэнс закрыл здоровый глаз. В темноте он попытался вызвать образ «Окариона». Раньше поезд вспыхивал в его воображении ярким, хромированным гигантом с пульсирующим ядром. Но сегодня образ был блеклым, словно старая, выцветшая фотография. Вторая АКПП... кнопка коллапса... 100 миллионов километров в секунду...

«Каким же я был идиотом», — Лэнс почувствовал, как к горлу подкатывает комок желчи. — *«Сто миллионов? Да я не могу даже выйти из этой комнаты, чтобы меня не избили. Я не могу добыть себе лишний кусок хлеба, а мечтаю о спасении галактики. Это не гениальность. Это гордыня. Обыкновенная, глупая детская гордыня»*.

Он вспомнил свои слова на ужине. Они звучали в его голове чужим, противным голосом. «Вы просто рабы... а я улечу...». Ему стало невыносимо стыдно. Кто он такой, чтобы называть их рабами? Они просто живут реальностью. Они принимают этот мир таким, какой он есть — серым, жестоким и конечным. А он, Лэнс, придумал себе сказку, чтобы чувствовать себя особенным. Чтобы не признавать, что он такой же мусор, как и сломанные детали на свалке.

Пустота вместо Анести

К полудню боль в теле притупилась, сменившись тяжелым оцепенением. В комнате было тихо, только капала вода в умывальнике в конце коридора. Лэнс попытался позвать Анести. Обычно её присутствие ощущалось как легкое покалывание на коже, как запах озона перед грозой.

— Анести... — беззвучно прошептали его разбитые губы.

Тишина.

Она не пришла. Его виртуальный штурман, его единственный друг, плод его воображения — она исчезла вместе с его верой в себя. Без веры в «Окарион» Анести не могла существовать. Она была лишь проекцией его надежды, а надежда сегодня умерла на грязном полу за блоком «Б».

Лэнс почувствовал, как по щеке катится слеза, обжигая ссадину. Он не вытирал её. Он заслужил эту боль. Заслужил это одиночество. Он начал думать о Кайро Виро. Теперь тиран не казался ему великим злом, с которым нужно бороться. Виро казался логичным завершением этого мира. Если мир состоит из боли и пыли, то у него должен быть такой правитель.

«Я не лучше их», — думал Лэнс, глядя на свои грязные ногти. — *«Я такой же ничемный. Моя "умная идея" — это просто способ сбежать от того, что я неудачник. Я просто хотел быть выше других, потому что боялся быть наравне с ними. Я — трус, спрятавшийся за цифрами, которых не существует»*.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.